

In my opinion, however, the Slavic data is also unrepresentative in such a case.

- 4) OInd. *púryáte* ‘becomes full’ ~ Balt. **pilna-* ‘full’ (Lith. *pilnas* [secondary 3], Lett. *pīlns*), Slav. **pъlnъ*, accentual paradigm *a* ‘full’. The Balto-Slavic stem **pīl-n-* is indeed dominant, but accentual characteristics of the suffix *-n-* can hardly be established, and, therefore, the valency of the root remains unknown.
- 5) OInd. *múcyáte* ‘becomes free’ ~ Balt. **maĩk-ja-* (trans.), **smaĩk-ja-* (trans.), **mu-n-k-a-* (intr.) ‘(verb

of motion)’, Slav. **mъknъti*, **mъčati*, **mykati* ‘(verb of motion)’. Both Baltic and Slavic morphological types do not permit to establish the original valency of the root.

- 6) OInd. *rícyáte* ‘is emptied’ ~ Balt. **liēk-* ~ **liēk-a-* ‘to leave’. The Baltic morphological type does not permit to establish the original valency of the root.

Thus, the available material is too scant for far-reaching conclusions.

В. А. Дыбо

Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

Относительно др.-инд. -ya-глаголов

Установление Л. И. Куликовым акцентуационных дублетов в формах презенса с основой на *-ya-* — важный результат исследования. Но полный ли это список? Необходимо получить полные списки подобных словоформ с явно пассивным значением. Следует иметь в виду, что все исторические и сравнительно-исторические грамматики страдают из-за отсутствия полных списков засвидетельствованных в памятниках словоформ. Мне представляется, что разделение *-ya-*словоформ на IV класс и пассив по акцентовке словоформ — явление искусственное, обязанное позднейшей грамматической спекуляции, а само наличие двух типов акцентовки *-ya-*словоформ имеет фонетическое (просодическое) объяснение. Конечно, два типа акцентовки этих словоформ, возникнув фонетически, в дальнейшем могли быть использованы для различения пассивных и медиальных значений. Это мое представление поддерживается следующими фактами:

Уже Б. Уилер обнаружил, что лишь две трети соответствующих между собой имен в греко-арийском совпадают по своей акцентовке (Wheeler 1885). Он, правда, не придал этому существенного значения. Впервые на важность этого расхождения между языками, положенными в основу индоевропейской акцентологической реконструкции, было указано в совместном докладе Николаев & Старостин 1978. Были приведены следующие отклонения

в акцентовке древнеиндийских и греческих тематических имен¹:

1. др.-инд. *śankhá-* m., n. ‘Muschel’ ~ греч. κόγκος m., κόγκη f. ‘моллюск в раковине; раковина’ || KEWA III, 290—291; Frisk I, 889—890;
2. др.-инд. *śyenāḥ* m. ‘Raubvogel, Adler, Falke, Habicht’ ~ греч. ἰκτίς m. ‘вид хищной птицы’ || KEWA III, 385; Frisk I, 719;
3. др.-инд. *añkāḥ* m. ‘Biegung, Haken’ ~ греч. ὄγκος m. ‘Widerhaken des Pfeils, Klampe’, ‘загнутый конец стрелы’ || KEWA I, 19; Frisk II, 347;
4. др.-инд. *āntrām* n. ‘Eingeweide’ ~ греч. ἔντερον n. ‘кишка’, pl. ἔντερα ‘внутренности’; герм. **ēnprō* pl. n. [> др.-исл. *innr*, *iðr* pl. n. ‘внутренности’]; слав. **ětrā* > **ětrǎ* || KEWA I, 74, 36, 35; Frisk I, 524—525; Barber 1932: 46; ср. Иллич-Свитыч 1963: 122;
5. др.-инд. *kumbhāḥ* m. ‘Topf, Krug’ ~ греч. κύμβος m. ‘Hohlgefäß, Schale’, κύμβη f. ‘чаша’ || KEWA I, 234; Frisk II, 48;
6. др.-инд. *cakrāḥ* m., *cakrām* n. ‘Wagenrad’ ~ греч. κύκλος m. ‘крут, колесо’, pl. также κύκλα;

¹ См. также эти списки в переработанном С. Л. Николаевым виде в ОСА 1: 70 ссл. Здесь приводится дополнительный по сравнению с названными источниками этимологический разбор.

- герм. **lvēhvula-* < **kʷékʷlo-* (др.-исл. *hjöl*, др.-англ. *hwēol*), дат. *hjul* [ju:l] 'колесо' || KEWA I, 366; Frisk II, 44—45;
7. др.-инд. *udrāḥi* m. 'ein Wassertier' ~ греч. ὕδρος m. 'водяная змея', ὕδρα f. 'гидра'; лит. *ūdra* (1) 'выдра', слав. **vydrā* (а.п. а) 'выдра': русск. *выдра*, укр. *видра*, блр. *вiдра*, болг. *вiдра*, схрв. *вiдра*; но лит. диал. *ūdras*, ном. pl. *ūdrai* (3) 'выдра' (Tiž, II, 474), лтш. *ūdrs* и *ūdris* 'выдра' || KEWA I, 104; Frisk II, 957;
8. др.-инд. *kandarāḥi* m., -ām n., -ī, -ā f. 'Höhle, Schlucht' ~ греч. κάνδαλοι κοιλώματα, βάθρα (Hes.) 'впадины, полости; основания' || KEWA I, 152;
9. др.-инд. *gandharvāḥi* m. Name eines mythischen Wesens ~ греч. κένταυρος m. 'кентавр' (фонетика последнего слова, видимо, изменена по аналогии с ταῦρος) || KEWA I, 321; Frisk I, 819—820;
10. др.-инд. *śarabhāḥi* m. eine Hirsch-Art ~ греч. κίραφος ἄλωπιξ (Hes.) 'Fuchs' || KEWA III, 305; Frisk I, 857;
11. др.-инд. *kaparā* f. 'Raupe' ~ греч. κάμπη f. 'Kohlraupe, Seidenraupe' (< **kṛpṇā*, KEWA I, 154) || KEWA I, 154; Frisk I, 774;
12. др.-инд. *stupāḥi* m. 'Schopf, Haarschopf' ~ греч. στύπη f. 'Werg, grober Flachs', также στύπος = στύπη (κάλοι ἀπὸ στύπου Gal.) || KEWA III, 516; Frisk II, 814;
13. др.-инд. *darbhāḥi* m. 'Grasbüschel, Buschgras' ~ греч. δάρπη ἰσαργάνη, κόφινος (Hes.) 'Korb' (контаминация τάρπη и *δάρφη, Güntert 1927: 347) || KEWA II, 23; Frisk I, 350;
14. др.-инд. *jyā, jiā* f. 'Gewalt, Macht' ~ греч. βιά, βίη f. 'Kraft, Gewalt' || KEWA I, 448; Frisk I, 235;
15. др.-инд. *dhākāḥi* m. 'Behälter' ~ греч. θήκη f. 'Behältnis, Kasten, Grab' || KEWA II, 96; Frisk I, 670;
16. др.-инд. *divyāḥi, diviyāḥi* adj. 'göttlich, himmlisch' ~ греч. δῖος adj. 'zum Himmel gehörig, göttlich' || KEWA II, 43; Frisk I, 396—397;
17. др.-инд. *saptamā-* adj. 'седьмой' ~ греч. ἑβδόμος adj. 'der siebente' || KEWA III, 431; Frisk I, 435;
18. др.-инд. *katarāḥi* 'welcher von zweien' ~ греч. πότερος, ион. κότερος 'welcher od. wer von beiden?'; герм. **lvaparaz* ~ **lvēparaz* (< **lvāparaz* ~ **lvēparaz*) adj. pron. (гот. *lvapar* 'wer von beiden'; др.-англ. *hwæðer, hweder*; др.-сакс. *hwēðar*, др.-в.-нем. *hwedar* 'wer von beiden?'); слав. **kōtorь* > **kotōrь* || KEWA I, 148; Frisk II, 586; Orel 2003: 199; Feist 1939: 283; БЕР 2: 679—680.

Сомнительно предполагаемое авторами отношение к этой группе: др.-инд. *dhūmāḥi* m. 'Rauch' ~ греч. θύμος m., θύμων n. 'Thymian' (авторы не принимают сближения с греч. θῦμός m. 'Geist, Mut, Zorn, Sinn') || KEWA II, 109; Frisk I, 693. Так как авторы не дали альтернативной этимологии греч. θῦμός, которая бы надежно устраняла эту форму из традиционного сближения, она остается как первичная, а лат. *fūmus* m. 'Rauch, Dampf, Qualm, Brodem' может рассматриваться как дополнительный пример действия закона Хирта в латинском.

Я не привожу в [Дыбо в печ.] атематических основ, в которых различие древнеиндийской и греческой акцентовок может объясняться генерализацией разных акцентовок подвижной акцентной парадигмы, и форм -i- и -u-склонений, значительное количество разных акцентовок этих имен, устанавливаемых в германских языках по рефлексации согласно закону Вернера, вызвало предположение о наличии первично подвижного акцентного типа у этих имен, в дальнейшем «генерализировавшегося» в окситонезу или баритонезу.

В дальнейшем С. Л. Николаев, изучив акцентовку древнеиндийских производных имен с суффиксами I (доминантного) класса, пришел к выводу, что эти имена получали конечное ударение, если их корни относились также к I (доминантному) классу, см. ОСА 1: 53 ссл. Так как класс суффикса, по-видимому, определялся просодической характеристикой тематического гласного, включенного в данный суффикс, С. Л. Николаев рассмотрел акцентовку установленных С. А. Старостиным древнеиндийских *nomina activa* и *nomina passiva*, у которых роль суффикса играл тематический гласный, и соответствующих им греческих девербативов, что позволило ему создать следующую схему акцентовок при различных сочетаниях морфем (подчеркнута позиция, где греческая акцентовка отличается от древнеиндийской):

Сочетание морфем (корень + суффикс)		Древне- индийский	Древне- греческий
I	I	oxytona	barytona
I	II	barytona	barytona
II	I	barytona	barytona
II	II	oxytona	oxytona

Общее правило таково: в греческом баритонированной является любая форма, где содержится морфема I кл., в древнеиндийском же баритонированными являются лишь формы, состоящие из морфем различных классов.

(Обоснование принципиально другой акцентологической концепции см. в Lubotsky 1988 и Лубоцкий 1991. Обсуждение теории А. Лубоцкого, впрочем, выходит за рамки настоящей заметки.)

Греческий в этом отношении близок к балто-славянскому, в котором формы-энклиномены могут состоять лишь из морфем II класса, а присутствие в форме доминантной морфемы определяет ее оротонический статус (ОСА 1: 69). С. Л. Николаев относит время возникновения этой акцентологической особенности древнеиндийского, по-видимому, еще к периоду индоевропейских диалектов, считая, что эту же особенность разделяет с древнеиндийским прагерманский, чему однако противоречат: 1) герм. **lǝlvula-* < **k^uék^ulo-* (при греч. κύκλος m., pl. κύκλοι и κύκλα, но др.-инд. *cakrá-* m., n. 'колесо'), 2) герм. **énþrō* pl. n. (при греч. έντερο-v 'кишка', pl. 'внутренности', но др.-инд. *āntrá-* n. 'entrail', 'внутренности, кишки' RV, *antrá-* n.), 3) герм. **lǝþaraz* ~ **lǝþaraz* (при греч. πότερος, ион. κότερος 'welcher od. wer von beiden?', но др.-инд. *katarāḥ* 'welcher von zweien').

Дардский язык шина (Shina, Şinā) довольно последовательно сохраняет древнеиндийскую акцентировку имен и глаголов. Эта особенность характерна, по-видимому, еще для нескольких дардских и кафирских языков, но они плохо или недостаточно подробно описаны. Только шина (диалект гильгит) имеет грамматику и более или менее приличный словарь с отмеченным местом ударения (Bailey 1924). В 1972 году я опубликовал краткую статью «О рефlekсах индоевропейского ударения в индоиранских языках» (Дыбо 1972). Знакомясь с новыми публикациями по дардским и другим индоиранским языкам, я обнаружил ряд работ, подтверждающих тональный характер ударения долготных слогов в шина, что заметил еще Бейли, и поддерживающих мою гипотезу о причинах возникновения тональных различий в дардских языках, предложенную в той же статье, в результате исследования системы тональных оппозиций в языке дамели. К сожалению, в этих же публикациях обнаружилось полное незнание моей работы и явное игнорирование результатов и проблем сравнительно-исторической и исторической акцентологии (что характерно для синхронистов, воспитанных на якобы Соссюровском «Курсе общей лингвистики»²). Поэтому я счел необходимым

опубликовать в более полном виде материалы и результаты моих исследований по акцентной системе языка шина в работе «Древнеиндийский акцент в дардском языке шина как проблема индоевропейской акцентологии» (ниже [Дыбо в печ.]). В этимологизируемом ныне словарном составе языка шина (диалект гильгит) по словарю [Bailey 1924] обнаруживается около 90 баритонированных существительных, соответствующих баритонированным именам древнеиндийского, и около 50 окситонированных существительных, соответствующих окситонированным именам древнеиндийского. По материалам [Bailey 1924] в шина различные акцентные типы у первичных прилагательных не обнаруживаются. Это, по-видимому, объясняется тем, что прилагательные в шина согласуются с существительными в роде и числе, но не в падеже, что, возможно, облегчило генерализацию накоренного ударения в этих формах. Возможно, однако, что тонкие отличия акцентовки исторически окситонированных форм от баритонированных были просто не замечены аудиторами. Среди баритонированных существительных шина обнаружено 7 имен, которым в ведийском соответствуют имена с сваритой в конце слова, это преобразование согласуется с подобным же в системе Шатапатхабрахманы.

Ряд баритонированных имен шина характерен тем, что в ведийском им соответствуют окситонированные имена, но в греческом, балто-славянском и в германском им соответствует баритонеза. Показания шина могут свидетельствовать о том, что древнеиндийская окситонеза этих имен является лишь чертой ведийского, но не индоиранского и даже не индоарийского³.

1. Sh. (jjj.) *ǝzi* 'entrail' ~ др.-инд. *āntrá-* n. 'entrail', 'внутренности, кишки' RV, *antrá-* n. Suśr. (ср. др.-инд. *āntaraḥ* 'der innere, nähere') || но ср. греч. έντερο-v 'кишка', pl. 'внутренности'; герм. **énþrō* pl. n. [> др.-исл. *innr*, *iðr* pl. n. 'внутренности']; слав. **ętrā* > **ętrā* [схрв. *jětra* 'печень', диал. чак. (Нови) *jětra* pl. n. 'внутренности'; чеш. *játra*] || Turner I, 53 (1182); KEWA I, 36, 35; Pok. 313;
2. Sh. Gil. *cārķū*, gen.sg. *cārķāi*, pl. *cārķē*, gen. *cārķo* m. 'колесо для прядения, колесо, круг для

² Мое отношение к этой работе определяется тем, что я не могу представить себе, что Ф. де Соссюр мог прийти до такой степени отчаяния, чтобы в теоретическом курсе отказаться от результатов своих сравнительно-исторических исследований, свидетельствующих о достаточно строгих про-

цессах преобразования языковых систем. Я думаю, что эта лакуна является результатом реконструкции Курса изданиями (при всем моем уважении и восхищении Ш. Балли и А. Сеше).

³ Нижеследующий список приведен также в [Дыбо в печ.]; здесь он снабжен дополнительными комментариями.

- точки сабли' [cārk-ū-ě-āi-o, m., spinning wheel, wheel, machine for sharpening sword] ~ др.-инд. *cakrá-* m., n. 'колесо' || но ср. греч. *kúklos* m., pl. *kúkloi* и *kúkla* 'круг, окружность; колесо (pl. только *kúkla*); обруч, обод, кольцо; диск', герм. **hvelvula-* < **hēkulo-* (др.-исл. *hjöl*, др.-англ. *hwēol*), дат. *hjul* [ju:'l] 'колесо', при подвижности в лит. *kāklas* 'шея' (4 а.п. с др.-лит., см. Иллич-Свитыч 1963: 50; впрочем, вряд ли можно считать опечаткой форму *kāklū* в Библии 1755 г., два раза повторенную в тексте, которая указывает на 2 а.п.) || Bailey 1924: 135a; Turner I, 246 (4538); KEWA I, 336;
3. Sh. Gil. *ūzū*, pl. *ūzē* m. 'выдра' [ūz-ū-ě, m., otter] ~ др.-инд. *udrāḥ* m. 'водяное животное (краб или речная выдра)' (ср. также др.-инд. *udán*, loc. *udáni*, gen. *udnāḥ* 'Wasser' ~ греч. ὕδωρ, loc.sg. ὕδατι, gen.sg. ὕδατος 'Wasser') || но ср. греч. ὕδρος m. 'водяная змея' или 'уж', ὕδρᾱ f. 'гидра', лит. *ūdra* (1) 'выдра', слав. **vŭdrā* (а.п. а) 'выдра': русск. *вѣдра*, укр. *відра*, блр. *вѣдра*, болг. *вѣдра*, схрв. *вѣдра*; но лит. диал. *ūdras*, ном. pl. *ūdrai* (3) 'выдра' (Tiž, II, 474), лтш. *ūdrs* и *ūdris* 'выдра' || Bailey 1924: 168; Turner I, 96 (2056); KEWA I, 104, Frisk II, 957—959;
4. Sh. Gil. *āzu*, gen.sg. *āzēi*, pl. *āzē*, gen. *āzo* adj.; n., m. 'туча, облако, дождь; мокрый, дождливый, влажный' [āz-ū-ě-āi-o, adj. n.m., cloud, rain, wet, damp], [Radl. II, 59: *āze* 'rains']; pales. *āzu* ~ др.-инд. *abhṛā-* n. (редко m.) 'cloud, rainy weather' RV || но ср. греч. ὀμβρος m. 'Regen, Regenguß, Gewitterregen; Regenwasser; das Naß' < **ōmbhro-s* (ср. лат. *imber*, -bris m. 'Regen, Regenguß, Platzregen' || Bailey 1924: 130b; Turner I, 25 (549); KEWA I, 43; Frisk II, 384—385; WH I, 680—681;
5. Sh. Gil. *kāt*, gen. *kāṭāi* m. 'лес, дерево, древесина' [kāṭ- gen. -āi, m., wood] ~ др.-инд. *kāṣṭhām* (при варианте *kāṣṭham* KEWA) 'полено' || но ср. греч. κάστων · ξύλον (< **kalstom*, из-за греч. *kālon*, κήλον < **καλσον*, по Пизани) || Bailey 1924: 146b; Turner I, 159 (3120); KEWA I, 205;
6. Sh. Gil. *pīṭi*, pl. *pīṭē* m. 'спина, задняя часть' [pīṭ-ū-ě, m., back] ~ др.-инд. *pṛṣṭhām* n. 'спина, хребет, верхняя часть, верх' || но ср. лит. *pīrštās* 'палец, палец ухвата' (2 а.п., представлена повсеместно по диалектам, первоначально п., см. Иллич-Свитыч 1963: 52), слав. **pŭrstъ* (а.п. d или b, см. Иллич-Свитыч 1963: 128) || Bailey 1924: 158; Turner I, 474 (8371); KEWA II, 338; Fraenkel I, 598;
7. Sh. Gil. *gīri*, pl. *gīryē* f. 'скала' [gīr-i-yē, f., rock (ī is ī long)] ~ др.-инд. *gīriḥ* m. 'скала, гора' || но ср. афг. *gar* m. 'гора' (barytonum, окситонированная форма отразилась бы как **γῤῥᾱ*), слав. **gora* (а.п. b): др.-русск., чеш. диал. *hůra*, польск. *góra*, лит. *giriā* (2) 'лес', диал. *girė* (2) || Bailey 1924: 141a; Turner I, 223 (4161); KEWA I, 335; Fraenkel I, 153;
8. Sh. Gil. *jip*, gen.sg. *jibāi*, pl. *jibē*, gen. *jibo* f. 'язык' [ji-p -bē-bāi-bo, f., tongue (not used for "language")] ~ др.-инд. *jihvā* f. 'язык' (ср. также др.-инд. *juhūḥ* f. 'Zunge') || но ср. афг. *žāba* f. 'язык' (< **ziba* < **izba* < **hízba* < **hízvā*, но может быть и заимствованием из новоиндийских, как предполагал Гейгер) || Bailey 1924: 145; Turner I, 288 (5228); KEWA I, 436—437, 442;
9. Sh. Gil. *bōi*, pl. *bōyē* f. 'рукав' [bō'-i -yē, f., sleeve] ~ др.-инд. *bāhū-* m. (f. lex.) 'arm' RV, *bāhā-* f. Уп. || но греч. πῆχυς m. 'предплечье, рука'; однако ср. афг. *wāzā* f. 'сажень (мера длины, равная 2,134 м.), шаг (коня)', что поддерживает сомнения в тонологическом объяснении, высказанные выше || Bailey 1924: 133b; Turner I, 521 (9229); KEWA II, 429;
10. Sh. Gil. *yōr*, gen. *yōrāi*, pl. *yōrē*, gen. *yōro* f. 'мельница (водяная)', [yōr (nasal vowel) yō'r -ē -āi-o f., large watermill], [Buddr. 1996: *yōr* f. 'Wassermühle']; ср. также Dm. *žān* 'мельница', нисходящий тон свидетельствует о первоначальной баритонезе ~ но ср. др.-инд. *yantrā-* n. [√yam-] 'controlling device' RV, 'any implement or contrivance' MBh., *yantraka-* n. 'handmill' Hcat.; см. ОСА 1: 59—60 (№3 и ведийские подтверждения доминантного характера корня); доминантность корня подтверждается и славянскими данными (Дыбо 2000: 264, 514) || Bailey 1924: 169a; Turner I, 602 (10412); KEWA III, 7; EWA II, 398;
11. Sh. Gil. *bēzi* f. 'ясная погода' [bēzi, f., fine weather], [Sh. (Lor.) *biji* f. 'clear sky', jij. *bīzi*] ~ др.-инд. *vīdhrā-* n. 'clear sky, sunshine' AV.; *vīdhrya-* 'relating to the clear sky' VS., при *īdhrya-* TS 4, 5, 7, 2; **vīdhrisya-*; **vaidhriya-*. Рассматривается как *vi* + *īdh-rā-* и сближается с греч. αἰθήρ, -έρος f., m. '(reine) Luft, (klarer) Himmel' и подобными, производными с глагольным корнем в греч. αἶθω 'anzünden': др.-инд. *inddhē* 'entzündet, entflammt', *édhaḥ* m. 'Brennholz' = греч. αἶθος m. 'Brand'. Повидимому, из приведенных основ шина лишь Sh. jij. *bīzi* может быть непосредственно связано с др.-инд. *vīdhrā-*, Sh. Gil. *bēzi* происхо-

- дит скорее из **vaidhrīya-* и формально должно быть отнесено к первой группе аномальных баритонез || Bailey 1924: 133a; Turner I, 697 (12051); KEWA III, 237 и I, 88, 95, 128, 557; EWA I, 205; II, 568—569; Frisk I, 37—38;
12. Sh. Gil. *cūrķū*, gen.sg. *cūrķāi* n., m. ‘дрожжи’ [*cūrķū*, adj., sour, acid (1st ū rather narrow): as n., c., or *ātāi* c. masc., yeast : *cūrķāi*, leavened], [Turner: *cūrķū* m. ‘yeast’] ~ др.-инд. *cukrā-* ‘sour, sharp to the taste’; m. ‘a sour fruit drink (esp. of tamarind), vinegar’ Suśr.; ‘name of various sharp-tasting plants, e.g. sorrel’ < **quq-ró-* (KEWA предположительно связывает с др.-инд. *kucāti* ‘zieht sich zusammen, krümmt sich’) || Bailey 1924: 136b; Turner I, 264 (4850); KEWA I, 393, 219—220;
13. Sh. Gil. *bāgbīārū*, pl. *bāgbīārē* m. ‘леопард’ [*bāgbīār-ū-ē*, m., leopard] ~ др.-инд. *vyāghrā-* m. ‘tiger’ AV.; пракр. *vaggha-* m. ‘tiger’. Традиционный анализ: (*vi-*)*āghrā-* = греч. *ὠχρός* ‘blaß-gelb’. Если, как считал Wackernagel (Unt. 234f.), греч. гомер. *ὠχρός* m. ‘Blässe’, ‘бледность’ (Г 35) является заменой первичного **ōχос* n., то мы имеем здесь образование с доминантным суффиксом **-ro-* || Bailey 1924: 130b; Turner I, 706 (12193); KEWA III, 274; EWA II, 593; Frisk II, 1153—1154;
14. Sh. Gil. *nōry*, pl. *nōrē* m. ‘ноготь’ [*nōr-ū-ē*, m., nail (finger or toe)], [Buddr. 1996: *nōro* m. ‘Fingernagel’. Pl. *nōrye* th. ‘sich die Nägel schneiden’] ~ но ср. др.-инд. *nakharā-* ‘shaped like a claw’ ŚB, m., n. ‘claw’ Pañcat., ‘nail-scratch’ Cat. Др.-инд. *nakharā-* — производное от доминантной (по второму слогу) основы *nakhā-* m., n. ‘nail (of finger or toe), claw’ RV. с доминантным суффиксом **-ra-* || Bailey 1924: 155a; Turner I, 397 (6920); KEWA II, 124; EWA II, 4; Frisk II, 398—399; WH II, 818—819; Fraenkel I, 478—479; Pok. 780;
15. Sh. Gil. *sūr*, pl. *sūrī* m. ‘свинья’ [*sūr-ī*, m., pig] ~ др.-инд. *sūkarāḥi* m. ‘boar’, ‘боров’, RV. *sūkarī-* f. ‘sow’ Yājñ. Образовано от основы **sū-kā-* с доминантным суффиксом **-ra-*. Наличие в индоевропейском этой основы подтверждается герм. **suzō* < **sūxā-* f. ‘sow’ (др.-англ. *sugu* f. ‘Sau’; др.-сакс. *suga*; ср.-н.-нем. *soge* ‘Sau’, нидерл. *zeug*) || Bailey 1924: 164; Turner I, 780 (13544); KEWA III, 490; EWA II, 738—739; Orel 2003: 385; Holthausen 1934: 329; Franck & van Wijk: 818; Pok.: 1038.
16. Sh. Gil. *chīryē*, pl. *chīryē* f. ‘вымя’ [*chīr-ī-yē*, f., udder] ~ но ср. др.-инд. *kṣīrīn-* ‘yielding milk’; пракр. *khīri-*, f. *°iṇī-*. Рассматривается как образованное посредством суффикса **-in-* от основы *kṣīrā-* n. ‘молоко’. Эта основа индоиранская. Иранские соответствия: нов.-перс. *šīr* ‘Milch’, пехл. *šīr* ‘молоко’, курд., бел. *šīr* ‘молоко’; осет. **xšyr / æxšir* ‘молоко’, мундж. *xšīro*, в. *xšīrā* m. ‘молоко; молоко, сок (растения)’, идга *xšīra* m. ‘milk’ (Mrst. II, 270); авест. *apa-xšīrā-* название страны — «безмолочная». По-видимому, эту основу трудно отделить от авест. *xšvīd-* m. ‘Milch’ (*-v-*, возможно, под влиянием другого авестийского названия молока *xšvīpta-*), в этом случае индоиранская основа **kṣī-ra-* оказывается, вероятно, отглагольным производным с доминантным суффиксом **-ra-*. В. И. Абаев предлагает для производящего глагола корень **xšay-* ‘сиять’, связывая его с авест. *xšayeiti* ‘herrscht, besitzt’ = др.-инд. *kṣáyati* ‘herrscht, besitzt’; значение ‘сиять’ проявляется в производных: авест. *xšāēta-* Adj., f. *xšōiḍni-* ‘licht, strahlend, glänzend, herrlich’ || Bailey 1924: 136a; Turner I, 192 (3704); KEWA I, 290, 287; EWA I, 433, 438; Абаев IV 241—242, 233—234, 235;
17. Sh. Gil. *yāp*, gen.sg. *yābāi* f. ‘арык (канал для ирригации)’ [*yāp*, gen. *yābāi*, f., watercourse for irrigation] ~ др.-инд. *yavyā-* f. ‘stream’ Naigh. (in *yavyāvatī-* ‘Name eines Flusses’ RV. 6,27,6, PB 25, 7,2). KEWA (III) рассматривает как производное с глагольным корнем **yu-* ‘sich bewegen’ и суффиксом *-yā-*, доминантный характер которого показывают балтославянские данные. Корень, вероятно, также был доминантным (презент по 2.кл.) || Bailey 1924: 168b; Turner I, 604 (10442); KEWA III, 11, 19; EWA II, 405; Pok. 507, 508, 511;
18. Sh. Gil. *būc*, *būch*, gen.sg. *būcāi*, pl. *būci*, gen. *būco* m. ‘платан восточный (чинара)’ [*būc-(h)-i-āi-o*, m., chenar tree], [Turner: Sh. Gil. *būch*, *būc* m. ‘plane-tree’] ~ др.-инд. *vr̥kṣā-* m. ‘tree’ RV.; пали *mālā-vaccha-* m. ‘an ornamental shrub or tree’. Связывается с основой *vālśa-* m. ‘Schößling, Trieb, Zweig’ RV. Баритонеза последнего указывает скорее всего на доминантность корня. Конечное ударение в ведийском *vr̥kṣā-* в этом случае может свидетельствовать о доминантности суффикса *-sa-* || Bailey 1924: 133b; Turner I, 698 (12067); KEWA III, 242; EWA II, 572, 526—527;
19. Sh. Gil. *pāc*, gen.sg. *pācāi* m. ‘пол месяца, две недели’ [*pāc-*, gen. *-āi*, m., half a month], [Turn.: ‘fortnight’] ~ но ср. др.-инд. *pakṣā-* m. ‘wing, feather, fin, shoulder, side’ RV, ‘side of a building’ AV., ‘party, troop’ MBh.; *pākṣas-* n.

- 'side' RV, 'side of door' VS., *pakṣaka-* m. 'side' Śiś., 'fan' Gal. По-видимому, < **pag-sa-* и связано с балтославянской группой: слав. *пахъ* : лтш. *paksis* 'Hausecke', слав. *pag-* (чеш. *paže*, в.-луж. *podpaža*), слав. **роху* f. (русс. *пахва́*, pl. *пахви́*, *пахвы́*; укр. pl. *пахви́*; схрв. *пѣви* pl.; чеш. *pochva*, *pochvu* pl.; польск. *pochwa*). Чередование гласных в славянском объясняется законом Винтера. Корень явно доминантный, о суффиксе см. в предшествующем примере || Bailey 1924: 155b; Turner I, 429 (7627); KEWA II, 184; EWA II, 62;
20. Sh. Gil. *jāzī*, gen.sg. *jāzāi* f. 'стригущий лишай' [jāz-ī, gen. -āi, f., ringworm] (с диссимиляцией < **dradr-* < *dadru-*) ~ др.-инд. *dadru-* m. 'cutaneous eruption' Suśr., °*rū-* Pāṇ. vārtt., *dardū-*, *dardrū* Уп. com.; пали *daddu-* n. 'a skin disease'; пракр. *daddu-* m. 'ringworm' (рассматривается как редупликация от корня и.-е. **der(ə)-*; KEWA связывает с др.-инд. *dr̥nāti* 'birst, macht bersten, sprengt, zerreiβt') || Bailey 1924: 144b; Turner I, 351 (6142); KEWA II, 14, 59; EWA I, 701—703;
21. Sh. Gil. *nir*, gen.sg. *nirāi* f. 'сон' [nir (i very short), gen. *nirāi*, f., sleep] ~ но ср. др.-инд. *nīdrā-* f. 'sleep' RV. Восходит к глаголу др.-инд. *drāti* 'schläft'. Может рассматриваться как сложение корня с доминантной приставкой, корень также доминантный || Bailey 1924: 155a; Turner I, 411 (7200); KEWA II, 76; EWA I, 757—758;
22. Sh. Gil. *ḍṇū*, pl. *ḍṇē* m. 'ручка, рукоять' [ḍṇ-ū-ē, m., handle (of polo stick, golf club, axe, carpenter's tools) ~ др.-инд. *daṇḍā-* m. 'stick, club' RV, 'handle' AB, 'control' ManuSmṛ., 'punishment' PB., 'stalk, stem' MBh.; пали *daṇḍa-* 'stem of tree, stick, handle, punishment'; пракр. *daniḍa-*, *ḍa-* m. 'stick, &c.'; предполагалось, < **dandrá-* при сравнении с греч. δένδρον n. 'Baum', сейчас это сравнение отвергается, так как первичным для греческого считается δένδρεον, однако греч. δένδρον может отражать греко-арийскую инновацию, что возвращает нас к традиционному сближению. Принятие недоказанного мундского или дравидийского источника выводит основу из сравнения || Bailey 1924: 138b; Turner I, 350 (6128); KEWA II, 11—12; EWA I, 691—692; Frisk I, 365—366;
23. Sh. Gil. *dut*, gen.sg. *dūtāi* m. 'молоко' [dut- gen. -āi, m., milk] ~ но ср. др.-инд. *dugdhā-* n. 'milk' AV. [√duh-]; пали, пракр. *duddha-* n.; формально part. praet. pass. от глагола *dōgdhi* 'melkt, melkt heraus, ziet heraus' (глагольный корень доминантного класса) || Bailey 1924: 139a; Turner I, 365 (6391); KEWA II, 66; EWA I, 747—748;
24. Sh. Gil. *dōṇi*, pl. *dōṇe* m. 'бык' [dōṇ-ī-ē, m., bull], [Buddruss 1996: dōonei gen.sg. 'des Ochsen'] ~ др.-инд. *dāntā-* 'tamed' TB, m. 'tamed ox' Rājāt.; формально part. praet. pass. от глагола *dāmyati* 'ist zahm; bändigst, bezwingt'; греч. δάμνημι 'bändige, bewältige' (глагольный корень доминантного класса) || Bailey 1924: 138b; Turner I, 359 (6273); KEWA II, 33—34, 35; EWA I, 698;
25. Sh. Gil. *nāṭe* m. pl. 'танец' [nāṭe doīkī, dance (nāṭe is m. pl.)] ~ но ср. др.-инд. *nṛttā-* n. 'dancing' AV. [√nṛt-]; формально part. praet. pass. от глагола *nṛtyati* 'tanzst' (глагольный корень доминантного класса) || Bailey 1924: 154b; Turner I, 427 (7580); KEWA II, 177—178; EWA II, 21—22;
26. Sh. Gil. *gōṇ* m. 'запах, аромат' [gōṇ, m., smell] ~ др.-инд. *gandhāḥ* m. 'запах, аромат, духи'. Индоиранская основа, словообразовательно связана с др.-инд. *dhūmāgandhi-* 'nach Rauch riechend' RV, *sugāndhi-* 'wohlriechend' и с иранскими: мл.-авест. *gaiṇti-* f. 'übler Geruch', *duž-gaiṇti* 'übelriechend, stinkend', парф. *gnāg* 'stinkend', ср.-перс. и нов.-перс. *gand* 'Ges-tank'. Др.-инд. *-dh-* может быть получен из глагольного презентного детерминанта || Bailey 1924: 141; Turner I, 214—215 (4014); KEWA I, 322; EWA I, 461—462;
27. Sh. Gil. *phīlī*, gen.sg. *phīlīyēi*, pl. *phīlīye*, gen. *phīlīyo* f. 'муравей' [phīlīl-ī -yē -yēi -yo, f., ant] ~ но ср. др.-инд. *pipīlā-* m. 'ant' RV, °*laka-* m 'large black ant' ChUp., *pipīlikā-* f. 'small red ant' AV., *pīlaka-* m. 'ant' lex.; **pīphīla-*, **pippīla-*, **pīpphīla-*, **pippīḍa-*, **pīlīla-*. Индоевропейской этимологии нет || Bailey 1924: 157b; Turner I, 463 (8201); KEWA II, 284—285; EWA II, 132—133;
28. Sh. Gil. *bān*, pl. *bāni* m. 'линия на месте соединения сустава, частей ствола бамбука, сахарного тростника' [bān- ī, m., joint in body, in finger or toe (but not phalanx itself), in bamboo, sugarcane, etc.] ~ но ср. др.-инд. *bandhā-* m. 'bond' RV, 'damming' MärKP., 'custody' Mn., 'deposit, pledge' Rājāt. Девербатив от глагола *badhnāti* 'bindet', хс. *baitti* 'wird gebunden, bindet sich' (< **badyati*, Konow 1941: 55), который, по-видимому, относится к I (доминантному) классу. Конечная акцентовка основы в ведийском объясняется доминант-

- ным характером суффикса (тематического гласного) deverбатива || Bailey 1924: 131a; Turner I, 515 (9136); KEWA II, 407, 406; EWA II, 208; Pok. 127;
29. Sh. Gil. *mūñ*, pl. *mūñē* f. ‘чечевица’ [mūñ -ě, f., lentils] ~ др.-инд. *mudgā*- m. ‘the bean Phaseolus mungo’ VS.; пали, пракр. *mugga*- m. ‘Phaseolus mungo’; La. *miñg*. Возможно др.-инд. *mudgā*- < **muzgā*-, как это предлагается для др.-инд. *mudgarah* m. ‘Hammer’ сравнением с чеш. *možditi* ‘zerschlagen’ (соответственно: русск. *можжѣть* или *можжѣть* ‘бить или толочь до раздробления, плющить, разнимать боемъ или раскатомъ’ (Даль); схрв. *mōždi-ti*, -*đim* ‘давить, мять (виноград)’. В этом случае допустимо сближение с слав. **mozgъ* a.п. d [OCA 1: 230—233] || Bailey 1924: 153b; Turner I, 588 (10198); KEWA II, 653; EWA II, 361;
30. Sh. Gil. *bākū*, gen.sg. *bākēi*, pl. *bākē*, gen. *bāko* m. ‘ветвь’ [bāk-ū-ē-ēi-o, m., branch] ~ др.-инд. *valkā*- m. ‘bark of a tree’, ‘лыко’ TS.; пракр. *vakka*- n. ‘skin, bark’. Связывают со слав. **volknio* n. (a.п. b) || Bailey 1924: 131a; Turner I, 666 (11417); KEWA III, 164; EWA II, 525—526;
31. Sh. Gil. *bīṣ* m. ‘яд, отравя; аконит’ [bīṣ, m., poison], [Turn.: Sh. *bīṣ* m. ‘poison, aconite’] ~ др.-инд. *viṣā*- n. ‘poison’ RV, ‘ein Aconitum’; пали, пракр. *visa*- n. (пракр. также m.); авест. *viš*- n. ‘Gift, Giftsaff’, *viša*- n. ‘Gift’ (Bartholomae 1961: 1472); греч. *ῥός* m. ‘яд; сок’; лат. *vīrus*, -*i* n. ‘zähe Flüssigkeit, Schleim, Saft; bes. Gift; Schärfe, Bitterkeit’; слав. *vѣхъ* ‘ядовитая трава’ (русск. *вѣх*, укр. зап.-укр. *весь*; польск. диал. [swinia] *wesz*, чеш. диал. [svinská] *veš*; чередование согласных отражает третью палатализацию заднеязычных). В сближении наблюдается контаминация нескольких основ. Выделяются др.-инд. *visā*- n. ‘aconite, poison’; авест. *viš*- n. ‘Gift, Giftsaff’; слав. *vѣхъ* ‘ядовитая трава’. К этому ряду, по-видимому, относится и Sh. Gil. *bīṣ* m. ‘яд, отравя; аконит’, первичность его баритонезы подтверждается баритонезой славянского соответствия. Конечное ударение в др.-инд. *visā*- может объясняться или доминантностью суффикса (тематического гласного), или влиянием других участников контаминации || Bailey 1924: 133a; Turner I, 692—693 (11968); KEWA III, 227—228; EWA II, 563—564; WH II, 800; Минлос & Терентьев 2002: 517—539;
32. Sh. Gil. *ṛīk*, pl. *ṛīkē* m. ‘почка (анат.)’ [ṛīk- -ě, m., kidney] ~ др.-инд. *vrkkā*- m. du. ‘kidneys’ AV., *vr̥kya*- TS., *vr̥kkā*- f. ‘heart’ lex.; **vrakka*-, *bukka*- n. ‘heart’; пали *vakka*- n. ‘kidney’; пракр. *wūk*, *uwūk* || Bailey 1924: 169b; Turner I, 698 (12064); KEWA III, 241—242; EWA II, 571—572.

Таким образом, в ведийском мы наблюдаем, по-видимому, второй этап процесса передвижения акцента на ровных тональных платформах. В моем докладе на XIII съезде славистов [Дыбо 2003] я предложил для объяснения перевода тематических имен индоевропейской подвижной акцентной парадигмы в греко-арийскую окситонированную передвижение акцента на один слог вперед, это передвижение произошло и в греческом, и в древнеиндийском, оно естественно произошло на низкотональных платформах; ведийский, по-видимому, продолжил тенденцию сдвига акцента на конец ровной платформы, перенес этот процесс на высокотональные платформы. В атематических основах, по-видимому, именно эти передвижения привели к видимости (иллюзии) четырех греко-арийских акцентных типов, которые восстанавливаются рядом исследователей как индоевропейские акростатическая, протеродинамическая, гистеродинамическая и амфидинамическая акцентные парадигмы.

Существенно, что тот реликт индоевропейской акцентной системы, которые наблюдаются в иранских языках — обследованная мною акцентная система языка пушту — также указывает на систему, более близкую к реконструируемой для балто-славянского и германского, что еще больше убеждает во вторичном характере ситуации в ведийском (см. Дыбо 1974).

Все сказанное выше основано на предложенной мною тонологической гипотезе происхождения индоевропейской акцентной системы. В сущности для балто-славянского эта гипотеза может уже считаться доказанной: подвижность акцента в акцентной парадигме, выбор акцентных типов производных, система метатонии. Протогерманская акцентная система в проявляемых частях хорошо согласуется с балто-славянской и получает доказанные данные для объяснения ряда особенностей германского консонантизма. Ведийская и древнегреческая акцентные системы относятся в значительной мере к системам категориального акцента. Но, во-первых, наблюдения над парадигматическими акцентными системами показывают, что они в ходе исторического развития проявляют тенденцию преобразования в категориальные акцентные системы; во-вторых, эти две системы сохраняют следы старого парадигматического со-

стояния в виде двух акцентных типов непроезженных имен, генетически тождественных (по распределению) двум типам акцентных парадигм балто-славянского. В греческом имена баритонированного акцентного типа соответствуют балто-славянским именам баритонной акцентной парадигмы (в славянском а.п. *a* и а.п. *b*), а имена окситонированного акцентного типа (в основном тематические) соответствуют балто-славянским именам подвижной акцентной парадигмы (в греческом подвижность акцента устранена еще на греко-арийском уровне посредством сдвижки акцента в формах-энклитоме на тематический гласный; вместе с акцентом на стянувшихся с тематическим гласным доминантных окончаниях передвинутый акцент образовал акцентную колонку окситонной колонной акцентной парадигмы). В ведийском баритонная акцентная парадигма расщепилась: имена с доминантным корнем и с обычным рецессивным тематическим гласным сохранились как баритонированный акцентный тип (с неподвижным накоренным ударением), имена с доминантным корнем и с доминантным тематическим гласным передвинули акцент на тематический гласный, образовав группу окситонированных имен, которые совпали с именами бывшей индоевропейской подвижной акцентной парадигмы, в греко-арийском преобразованной в окситонированную колонную. Что же представляет собой этот доминантный тематический гласный? Впервые мы встретились с ним при анализе суффикса *-āk- (см. [Дыбо 1981: 259; подробнее Дыбо 2009: 58—59], при этом, конечно, были рассмотрены все -k-суффиксы и установлено, что «метатония» (как собственно метатония, так и просто преобразование рецессивного адъективного суффикса вместе с его соединительным гласным в доминантный субстантивный) не связана с консонантной частью суффикса и лишь относительно связана с соединительным гласным: при долготном гласном акут преобразуется в циркумфлекс, при краткостном появляется лишь доминантность. То, что эту «метатонию» можно связать лишь с тематическим гласным показывает феномен герм. *frōdaz < *frōpās adj. 'klug, weise' ~ лит. prōtas (2) subst. 'ум, разум, рассудок'. Обе основы — девербативы. Но одна (германская) — адъективный девербатив, другая (балтийская) — субстантивный девербатив.

На следующем этапе С. Л. Николаев установил подобный же механизм в отглагольном словообразовании. Основы с суфф. -to- можно оценивать двояко: и как отглагольные образования, и как образования от страдательных причастий (отглагольных прилагательных); но образования с суфф.

*-dlo-/tlo- — это уже чисто отглагольные субстантивы. Таким образом доминантный тематический гласный обычно применялся в образовании субстантивных девербативов, являясь суффиксом этих девербативов или входя в состав суффиксов, служивших для образования отглагольных субстантивов. В приводимом выше материале из шина мы имеем некоторый набор таких суффиксов: -tra- (= *-dlo-/tlo-), -ra- (= *-ro-/lo-), -ya- (= *-jo-), -sa-. Доминантность трех (*-dlo-/tlo-, *-ro-/lo-, *-jo-) подтверждается балто-славянским. Относительно *-dlo-/tlo-, см. Николаев 1989: 47—56; Дыбо 2009: 27—30 (о поведении этого суффикса в ведийском см. анализ Николаева в ОСА 1: 59—63); относительно именного суффикса *-jo-, ср. слав. *kljūčjъ, gen.sg. *kljūčja > *ključja а.п. *b* (ср. лит. klišti 'гнуть'; лтш. klišti 'наклонять, прижимать'; греч. κλῆς, дор. κλῆς 'ключ'; лат. clāvus 'твоздь', clāvis 'ключ'); слав. lūčjъ, gen.sg. *lūčja > *lučja а.п. *b* (ср. др.-инд. rokāḥ 'свет'; герм. *lauzaz < *lauxás m. 'flame', 'пламя'); слав. mēčjъ, gen.sg. mēčja > mēčja. (ср. лит. minkyti 'мять, месить'; лтш. mīkt 'размягчаться').

Естественно, подобную ситуацию можно ожидать и в глагольной системе древнеиндийского. Суффикс -ya- (< *-jo-/je-) по данным балто-славянского доминантный⁵. Это, по-видимому означает, что в ведийском при доминантном корне основа фонетически закономерно должна была иметь ударение на суффиксе -ya-, при рецессивном корне ударение должно было остаться на корне, см. выше схему С. Л. Николаева. Причина, почему ударение при рецессивном корне остается на корне, а не сдвигается на доминантный суффикс, подробно изложена мною в [Дыбо 2003: 150—153].

Шина, по-видимому, хорошо соответствует предлагаемой схеме. Так как в прадардском передвижения акцента на ровных высоких платформах не происходило, все презенсы с суффиксом -ya- показывают накоренное ударение. Это же относится и к презенсу пассива. Вот пояснение Т. Г. Бейли

⁴ Ср. реликтовое различие в германском nomina activa: *lauzaz < *lauxás m. 'flame' (др.-исл. leygr 'flame, fire'; др.-англ. liz 'flame, lightning', др.-фриз. loga 'flame, fire'; др.-в.-нем. loug id.) и nomina passiva: *lauzaz < *lauxas m. 'open space, meadow' (др.-исл. ló 'clearing (in the woods), meadow'; др.-англ. léah 'meadow, open space'; ср.-н.-нем. lo 'bush', др.-в.-нем. lōh 'grove, bush'; ср. лит. диал. *laikas (2) 'луг' [Иллич-Свитыч 1963: 34—35])

⁵ См. ОСА: 64, основы на шумные. В рецессивных основах на сонант (ОСА: 62—63) -j-элемент либо является частью корня (лѣти, нѣти), либо вторично появляется по аналогии (жѣвати, клѣвати, сновати), см. подробно Дыбо 2000: 227—303, 377—396.

об образовании форм пассива и его спряжении: «The passive is formed by adding *-izh* to the root of the active and conjugating like a verb of the 2nd conj.» (Bailey 1924: 29). Последнее замечание означает, что ударение остается на корне, но при краткости слога корня (так же как и при двусложности основы имени) ударение передвигается на следующий слог основы (т. е. на *-izh-*). Формант пассива *-izh*, по видимому, восходит к *-ya-*.

Глаголы с основами на *-ya-* и их отражение в шина

а) В ведийском ударение на корне (традиционный IV класс):

1. Sh. Gil. *bīlīzhēi* ‘тает’ [bīli-izhóikī-ī’ zhēi-ā’ dū II melt (intr.)] (Radl. II, 61: bilaáj-am ‘I will melt’) ~ др.-инд. *vīlīyate* и *vīlīyate* AV. ‘löst sich auf’ (так KEWA III, 102 sub v. *lināti*, что неправильно, так как это и.-е. √*lēi-. В EWA II, 474—475 sub √LAY ‘sich schmiegen, anhaften’, что также неверно, так как указанный Майрхофером корень — это и.-е. √*leiH-. Для ударения ср. также бесприставочный глагол: др.-инд. *rīyate* (относительно значения — вот подборка примеров с ним из Ригведы с переводом Т. Я. Елизаренковой: I, 85₃ *ānu rīyate ghṛtām* «жир струится (вслед за ними на (их) пути)»; I, 30₂ *nīmnāni ná rīyate* «стекает, как (река), в низину»; X 53₈: *áśmanvatī rīyate* «течет каменистая (река)»; X 40₉: *rīyante ...sindhavo* «текут реки, (словно в низину,))»; с приставкой *vi-* этот *-ya-* глагол естественно получает значение ‘растекается’. Turner I, 688 приводит др.-инд. форму **virīyate* ‘is melted’ (11862), она, по-видимому, не зафиксирована в ведийской литературе, но пракр. *virāi* intr. ‘melts’; M.(arathī) *virñē* intr. ‘to melt’; Si.(nhalese) *virenavā, virīyannavā* ‘to become liquid, melt’ и др. Т. Гото (Gotō 1987: 279) пытается установить преобразование презентной основы *-laya-* в *-līya-*, но этот процесс по его материалам, по-видимому, относительно поздний и к AV. он отношения не имеет. Авторы LIV², выделяя особый √lī-, связывают его с греч. λιάζομαι и λίναμαι · τρέπομαι (Hes.) и с герм. **linnanan* — интересные гипотезы с недостаточной аргументацией; последняя не нова (новое только то, что R. Lühr заменила *nn-* < **-nn-* на *-nn-* < **-nH-*, что, впрочем, не может считаться абсолютной истиной — это лишь модная игра с ларингалами). Всего этого недостаточно, чтобы отбросить традиционное этимологическое решение Вальде.

По мнению в Kulikov 2001, 2011 (с предш. лит.), синхронно следует различать два древнеиндийских корня вида *Lī*: 1 ‘растворяться, плавиться’ (в ведийских текстах отмечен только с приставками *vi-* и *pra-*: *vī-līyate, prā-līyate*), 2 ‘прилегать, примыкать, прилепляться’. К первому корню с префиксом *vi-* относятся и диалектные формы с *r* вместо *l*: пракр. *virāi* intr. ‘melts’; M.(arathī) *virñē* intr. ‘to melt’; Si.(nhalese) *virenavā, virīyannavā* ‘to become liquid, melt’ и др., см. Turner I, 688 (11862, sub **virīyatē* ‘is melted’). Как этимологически соотносятся эти корни с ведийским корнем *Rī* (*rīyate*) ‘течь’ (по мнению Л. И. Куликова, основанному прежде всего на попытке сомнительной внешней этимологии Майрхофера, повторяемой под вопросом в LIV²: 305, значение восходит через ‘стремительно течь’ к ‘мчаться’), для автора не вполне ясно, но семантическая связь с приставочным глаголом ‘таять’ вполне реальна: все встречаемости в RV относятся к жидкости — воде, жиру; ср. также развитие слав. *тек-* (укр *tikati* ‘бежать’ и под.); неразличение же в пра-индоиранском рефлексов ПИЕ **l* и **r* пока ни в одной реконструкции не отмечено || Bailey 1924: 133a; Turner I, 690 (11906); KEWA III, 102; EWA II, 474—475; Dybo 2002: 371—372, ср. LIV²: 406; Gotō 1987: 279; Kulikov 2001; 2011;

2. Sh. Gil. *dāzhēi* ‘горит (дрова и т. п.)’ [dazhóikī dāzhē dādū, II, v. intr., burn (wood, etc.)] ~ др.-инд. *dāhyate* RVKh.² ‘to be burnt’. См. ниже во второй части списка о др.-инд. дублете *dahyāte* || Bailey 1924: 138a; Turner I, 362 (6325 Sh. отсутствует); Kulikov 2001; 2011;
3. Sh. Gil. *dīzhēi* ‘падает’ [dīzhóikī dīzham dītūs (ī in dītūs is ī long), II, fall] ~ др.-инд. *dīyati* ‘летит’ || Bailey 1924: 138b; Turner I, 364 (6364); Werba 1997: 295;
4. Sh. Gil. *nāshēi* ‘потерян’ [nashóikī nāsham naṭūs, II, be lost] ~ др.-инд. *nāsyati* ‘исчезает, теряется, гибнет’ || Bailey 1924: 154b; Turner I, 403 (7027);
5. Sh. Gil. *pārūzhēi* ‘слышит, слушает’ [pārūzhóikī -ū’ zham -ū’ dūs, II, hear, understand] (Radl. II, 61: parúj-am ‘I will hear’) ~ др.-инд. **paribudhyate*, для ударения ср. бесприставочный глагол: др.-инд. *búdhyate* ‘воспринимает, понимает’ || Bailey 1924: 156a; Turner I, 443 (7848);
6. Sh. Gil. *pāshēi* ‘видит, смотрит’ [pashóikī pāsham pashī’ gas, II 1 ac., see] ~ др.-инд. *pāsyati*

- 'sees' RV. [√paś-] || Bailey 1924: 156b; Turner I, 452 (8012);
7. Sh. Gil. *śomēi* 'он утомлѐн' [śom-óikī -qm -ī'lūs, be tired], [Bailey 1924: 46: śō'mam, к инфинитиву śomóikī, get tired, к этому же инфинитиву приписаны и каузативные формы презенса] ~ др.-инд. *śrátyati* 'устал, утомлѐн' || Bailey 1924: 163a; Turner I, 736 (12693);
8. Sh. Gil. *śhúshēi* 'сохнет' [śhushóikī śhūshēi śhūkū, II, become dry], ~ др.-инд. *śúṣyati* 'сохнет' || Bailey 1924: 162a; Turner I, 728 (12559).

б) В ведийском ударение на суффиксе (традиционный пассив):

1. Sh. Gil. *avāzhej* 'необходимо, желательно' [avā-zhóikī-zhēi-dū or -zhīlu, be proper or necessary or advisable, necessary, ought: II]; *avāzhoikī* 'to be proper or necessary or advisable' ~ др.-инд. *ābadhyate*, но возможно, *āpadyate* < *ābādhyate; для ударения ср. бесприставочный глагол: др.-инд. *badhyāte* 'он связан'; || Bailey 1924: 130a; Turner I, 55 (1221);
2. Sh. Gil. *bāzhej* 'замерзает'; [bāzhóikī -bā'zhēi bā'dū, II, freeze (used with gāmūk, ice: g. bādū, it became ice) bāzhóikī 'of water) to freeze' ~ др.-инд. *badhyāte* 'is bound', 'он связан' (ср. пали *bajjhati* 'он связан, поражѐн', пракр. *bajjhai*); || Bailey 1924: 132b; Turner I, 515 (9134);
3. Sh. Gil. *būrīzhej* 'клонится, опускается к горизонту (о луне, звѐздах), погружается в воду'; [būr-izhóikī-izhēi-ī'lūs (ī long), -ī'dūs, II, sink, set (of sun, moon, stars) also sink in water, etc.; *būróikī* 'to make sink' [būróikī, I, cause to sink (in water, etc.)] ~ др.-инд. **buḍyate* (causat. **boḍayati*, санскр. lex. *bolayati*); пракр. *buḍḍai* 'sinks', *buḍḍa* 'sunk' || Bailey 1924: 134a; Turner I, 524 (9272);
4. Sh. Gil. *chījēi* 'он порван, разорван', 'быть отделѐнным' [chījóikī chī'-jam-dū, II, be separated: see chūzhóikī]; *chījóikī* 'to be separated' ~ др.-инд. *chidyate* 'is cut, is split', пали *chijjati*, пракр. *chijjai* || Bailey 1924: 135b; Turner I, 276—277 (5042);
5. Sh. Gil. *dāzhej* 'горит'; [dazhóikī dāzhēi dādū, II, v. intr. burn (wood, etc.)] ~ др.-инд. *dahyāte* 'горит, сжигаем' (*dahyāte* TS¹, MS-KS¹, ŚB⁴). См. ниже во второй части списка о др.-инд. дублете *dāhyāte* || Bailey 1924: 138a; Turner I, 357 (6248); Куликов 2001; 2011;
6. Sh. Gil. *mirēi* 'умирает' (автоматический сдвиг в пи́на в двусложных основах с начального краткого на следующий слог, см. выше);

[miróikī mirī'am mūūs, to die] (Radl. II, 61: mirī-am 'I will die') ~ др.-инд. *mriyāte* 'умирает'⁶, пали *miyyati*, *mīyati*, пракр. *mijjai*; || Bailey 1924: 152b; Turner I, 599 (10383);

7. Sh. Gil. *mīśīzhēi* (автоматический сдвиг в пи́на в двусложных основах с начального краткого на следующий слог, см. выше) — пассив от mīś-óikī. [mīśizhóikī, mīśī'zham mīśī'lūs or mīśī'dūs, II, be mixed or associated (int. of next word)] Глагол *mīśóikī* < др.-инд. *mīśrayati* 'mixes' KātyŚS., образованного от adj. *mīśrá-* 'mixed' RV. (ударение ясно: корень доминантный, суффикс -ra- также доминантный, как показано в именном разделе), к этому глаголу был подстроен пассив **mīśryate*, который дал в пра-шина **mīśīzhēi*, со сдвигом ударения на второй слог основы получилось *mīśīzhēi* || Bailey 1924: 153a; Turner I, 583 (10137);
8. Sh. Gil. *rāzēi* 'is cooked', past part. *rādū* [razhóikī, rāzhēi, rádu, II, be cooked (in pot)] < Sk. **radhyate* 'is softened' (act. *radhyatu* 'let him subdue' AV.), *raddhāh* 'subdued' RV. [Cf. *randhi* imper. 'subdue', *radham* inj. 'may I submit', *radhrá-* 'weak' RV, *randhayati* 'cooks' MānGS. — √RANDH] || Bailey 1924: 159a; Turner Nep. 532a; Turner I, 614 (10611).

Сходство IV класса глаголов с ведийским пассивом давно обратило на себя внимание: формы страдательного залога отличаются от среднего залога в IV классе только своим насуффиксальным ударением. Исходя из нулевой ступени корневого слога, характерной для глаголов IV класса, обычно считают, что IV класс первоначально имел ударение на суффиксе. Но это лишь предрассудок, связанный с верой в то, что место ударения непосредственно определяется ступенью абляута. В действительности в определенной мере связь между ступенью абляута и местом ударения обнаруживается лишь в системе глагола, что, с моей точки зрения, свидетельствует о ее вторичности, а ударение IV класса можно рассматривать в какой-то степени как архаизм.

⁶ Л. И. Куликов полагает, что эта форма получает насуффиксальное ударение (так же как формы *dhriyāte* и *driyāte*) вследствие фонетического правила **ṛīa* > **ṛiá* (см. Kulikov 1997). Это правило нужно ему, чтобы объяснить безвариантное насуффиксальное ударение в явно семантически пассивных формах. Замечу, что при принятии предположения об этимологическом, ранее фонологически обусловленном месте ударения, высказанного в начале настоящей заметки, такое правило оказывается ненужным.

Таким образом, система языка шина как бы отражает ситуацию в индоарийском до ведийского сдвига ударения на высокотональных платформах. Но в ведийском могло быть положение, при кото-

ром в порядке $C\acute{y}C\acute{y}C\acute{y}$ отсутствовала определенность в месте акцента, в отличие от порядка $C\acute{y}C\acute{y}\#$, что могло отразиться в наличии акцентуационных дублетов.

Leonid Kulikov

Leiden University / Institute of Linguistics (Moscow)

Reply to replies

Replies of V. Dybo and A. Kassian offer a number of interesting historical observations, placing the issue of the history of the main accentual type of *-ya*-present in a new perspective. I will not enter here into a general discussion of the comparability of evidence provided by Balto-Slavic accent and Vedic verbal accentuation, which represents quite an intricate issue on its own, but goes far beyond the scope of the current discussion. Rather, I will confine myself to a few more specific remarks on the data and their interpretation provided by the discussants.

As rightly noticed by A.K., the explanation of several subgroupings within the system of the *-ya*-presents in Vedic (largely) based on Kuryłowicz's analogical scenarios is not free from complications and several back and forth developments in the accentual history of the *-ya*-formations. Putting the accentual patterns in direct connections with the tonal schemes of the morphemic sequences in accordance with their accentual types (dominant/recessive) may, at first glance, spare some of such 'redundant' changes of my scenario (as outlined by A.K.).

Yet, this alternative explanation is not free from heavy problems either, while the lack of comparative evidence, quite unfortunately, makes this analysis less falsifiable than the (more traditional) explanation.

Let us take a closer look at the rule that forms the core of Dybo's tonal theory of the genesis of the Vedic accentuation as applied to the accent patterns of the *-ya*-presents (see p. 207): (i) the *-ya*-presents derived from the roots of the dominant tonal type should bear the accent on the suffix, whilst (ii) the *-ya*-presents derived from the roots of the recessive type should have the accent on the root. How could then this purely phonological distribution be dephonologized, so that, ultimately, the place of accentuation becomes conditioned

by the semantic types of *-ya*-presents? Developing the basic idea of V.D. and A.K., one might assume the following historical scenario: (I) a certain (semantically influential?) group of the *-ya*-presents of the former type (dominant roots = accent on the suffix) were mostly used as passives and therefore have formed the core group of the *-yá*-passives, whereas (II) a certain (semantically influential?) group of the *-ya*-presents of the latter type (recessive roots = accent on the root) mostly occurred in non-passive usages and therefore have given rise to the Old Indian 'class IV' presents, i.e. to the non-passive *-ya*-presents with the root accentuation. Subsequently, the first group attracted those *-ya*-passives which, by virtue of the tonal type of the root morpheme (recessive) had accent on the root (with the concomitant accent shift from the root to the suffix, in analogy with the core members of the class: $*\sqrt{-ya} > \sqrt{-yá}$), while in another class we expect the opposite development: non-passive *-ya*-presents with the root accentuation attracted other non-passive *-ya*-presents that had accent on the suffix, with the concomitant accent shift from the suffix to the root, in analogy with the core members of the class: $*\sqrt{-yá} > \sqrt{-ya}$.

Unfortunately, as noticed by A.K. (p. 199), the Balto-Slavic material furnishes as few as two reliable cognates of the Vedic *-ya*-presents that can be used for the reconstruction of the original tonal pattern of the Vedic stems. One of them, Slav. **topiti* 'warm, make warm' (the exact cognate of the Vedic causative *tāpáyati* id.) must testify to the dominant type of the root, which, in accordance with Dybo's rule, should result in Vedic suffix accentuation *tápyáte* 'heats; suffers'. This accentuation is attested from the Atharvaveda onwards, alongside with the root accentuation *tápyate*, which is met with, in particular, in the Yajurvedic mantras; see p. 190 above. Another direct com-